

А.Н.Пятаков

Весенний Каракас: взгляд очевидца на тревоги и надежды Венесуэлы

Репортаж посвящен социально-урбанистическим особенностям венесуэльской столицы. Путешествуя по городу, автор рисует социально-экономический и политический портрет Каракаса, предлагает описание знаковых мест и культурно-эстетических явлений центрального мегаполиса Венесуэлы, а также делится наблюдениями о повседневной жизни венесуэльцев. Анализируются социальные контрасты, проявления политических настроений в уличных граффити, предлагаются обобщенный взгляд на ситуацию в Венесуэле и сценарии ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: Венесуэла, Каракас, барриос, граффити, архитектура, политические настроения, социальные проблемы.

Венесуэлу и особенно ее столицу — Каракас — нельзя назвать «туристическим раем». Обычные туристы избегают ездить сюда. Это происходит во многом из-за того образа страны, который сформировали транснациональные СМИ. Для них — это страна нищеты, разгула преступности, отсутствия безопасности и т.д. и т.п. Но все эти оценки, как показал личный опыт, надо делить, по меньшей мере, на два. Да, это все есть, но зачем же специально демонизировать страну и превращать ее в «исчадие ада», а ведь именно так относится к Венесуэле среднестатистический турист-обыватель. Но вот для «политического туриста», для того, кто имеет какое-то представление о родине Уго Чавеса, а особенно для того, кто специально изучает Венесуэлу, Каракас — это рог изобилия впечатлений и наблюдений, визуальных находок. Именно в таком статусе я уже второй раз отправился по приглашению венесуэльского МИД в Каракас — для участия в международном форуме солидарности с Боливарианской Республикой Венесуэла. В этом репортаже я хотел бы, главным образом, сконцентрироваться на своих социально-эстетических наблюдениях за жизнью Каракаса, на том, о чем те же СМИ либо умалчивают, либо просто не знают. Такой непосредственный контакт с городом, когда твое сердце бьется син-

Андрей Николаевич Пятаков — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (anpyatakov@yandex.ru).

хронно с пульсом его жизни, — это уникальный опыт, о котором обычно не пишут, а если и пишут, то с враждебных позиций. Я же считаю себя венесуэльским патриотом, хоть и с российским гражданством. И все нижеизложенное — это результат восприятия, окрашенного сложной палитрой чувств: обеспокоенность и тревога; радость от успехов; негодование по поводу попыток покушаться на суверенитет Венесуэлы; надежда на то, что правительство найдет в себе силы справиться с текущими трудностями, и разочарование от того, что многие шаги пока не достигают целей.

«КРАСНАЯ ВЕСНА» КАРАКАСА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЦВЕТУЩАЯ

Весенний Каракас периода буйного цветения раскрашен в цвета венесуэльского флага. Розовые и красные цветы дерева апамате в парках; гигантские манго раскинули цветущие ветви вдоль магистралей и дорог. Идешь — и вдруг впереди яркая вспышка: это арагуаней, национальное дерево Венесуэлы, распустилось ярко-желтыми цветками, которые, осыпаясь, создают вокруг какой-то необъяснимый по своей магии круг солнечного света, будто лучи тропического солнца устали светить и прилегли под деревом немного отдохнуть. И над всем этим цветущим растительным разнообразием спокойно и умиротворенно сияет голубое венесуэльское небо, выйдя из легкой философской задумчивости после короткого дождя.

Но помимо сезонной красной весны есть еще и политическая, которая не зависит от времени года, — «вечная весна», как поется в одной из песен Егора Летова. По периметру города раскинулись холмы с «барриос» — районами самостроя из красного кирпича. Издали создается впечатление, будто и там цветет исполинское дерево, раскинув бордовую крону над городом. Внешне это выглядит очень впечатляюще, но с точки зрения социальной лачуги, которые здесь не без иронии называют «ранчо», — конечно, большая проблема, решать которую впервые начал Чавес. С 2011 г. его правительство приступило к строительству домов для бедняков. С тех пор построено 3 млн квартир, но, как ни парадоксально, и эта масштабная программа проблему «ранчо» коренным образом не решила. По-прежнему «красное дерево» нависает над Каракасом, отбивая у туристов желание приезжать сюда. Странно, но многие жители барриос сами не хотят переселяться в новые дома, хотя и предоставляемые фактически бесплатно. Сказываются инерционность мышления, привычка к насиженному месту. А, может быть, и это, пожалуй, главное — люди не хотят переселяться из боязни разорвать сложившиеся в их баррио общинно-коллективистские связи, утратить культуру взаимовыручки, соседства. В панельных домах многоэтажек людей ждет совсем другая культура, основанная на отчуждении и индивидуализме¹.

Те же, кто все-таки переселяются, переносят в новые условия свою прежнюю культуру быта (точнее, ее отсутствие). Например, многие жители жалуются на то, что в новых домах часто ломаются лифты. А происходит это от того, что на них возят... мотоциклы. Лифты просто не выдерживают таких нагрузок и выходят из строя. Очень часто включают музыку, что называется, на всю катушку и в импульсивном латиноамериканском духе

Вид на Каракас с террасы Мавзолея У.Чавеса. Город на фоне Вечного огня

«слушают» ее грохот ночь напролет. Говорят, что маленькие дети в таких домах беспокойно спят по ночам из-за постоянного шума. Что же, народ надо воспитывать! На стенах домов в Каракасе можно увидеть призывы в виде социальной рекламы: «Сделаем Каракас городом без мусора», «Меньше мусора — означает больше здоровья» и т.д. Но пока эффект от таких призывов незначительный. Преодоление инерции старых привычек — вот главный вызов для новых жителей цивилизованного Каракаса. Правительство понимает, что сразу проблему барриос не решить. Поэтому была создана специальная программа по благоустройству «ранчос» («Barrio Nuevo Tricolor» — «Новый трехцветный баррио»): дома красят в яркие цвета, меняют двери и окна, проводят канализацию и электричество. Но все это — паллиативы, предполагающие консервацию проблемы, а не ее решение. Иногда среди ранчос встречаются живые строительные островки. Так и планировал Чавес — сносить барриос и строить на их месте новые социальные дома. Строительные зоны огорожены и обозначены рекламой социальной миссии «Жилье», введенной Чавесом. Одну из таких площадок я видел в районе баррио «23 января», недалеко от Куартель де ла Монтанья, где похоронен Чавес. Но такая тактика поэтапно-последовательного сноса и строительства пока не срабатывает: может быть, народ недоволен разрушением своих обветшалых хижин, может быть, играют роль бюрократические препоны. Во всяком случае барриос продолжают надстраиваться друг над другом — то и дело видно, как ведется частное строительство новой хижины из красного кирпича.

ВОСХОЖДЕНИЕ К МАВЗОЛЕЮ УГО ЧАВЕСА

Конечно, политическое сердце Каракаса бьется в Куартель де ла Монтанья. В начале XX в. здесь были военные казармы, потом их переоборудовали в Военно-исторический музей, а после кончины Чавеса последний стал мавзолеем, где покоятся останки лидера Боливарианской революции. Я написал «кончины», при том, что сами венесуэльцы избегают этого слова и говорят исключительно о «физическом уходе» Команданте. В мавзолеей я стремился попасть и в первую поездку, и когда в сентябре 2017 г. стало известно, что доступ закрыт из-за восстановительных и ремонтных работ, я, словно предчувствуя будущее, ничуть не расстроился. «Значит, еще будет повод приехать снова», — подумал я и оказался прав.

В первый раз нас, делегатов международного форума солидарности, привезли сюда централизованно, 5 марта — в день пятилетия физического ухода Чавеса. Здесь состоялась церемония чествования лидера революции: собрались его родственники, ближайшие друзья, соратники. Участвовал высший генералитет во главе с министром обороны Владимиром Падрино Лопесом. На церемонии присутствовал и президент Николас Мадуро Морос. Ожидалось, что он выступит с речью, однако этого не произошло. Видимо, из-за плотной повестки, обусловленной пятнадцатым саммитом Боливарианского Альянса для народов нашей Америки. Церемония длилась два часа и включала два религиозных действия: вначале католический епископ прочитал молитву за Уго Чавеса, а затем представители индейских религиозных культов совершили обряд и ритуальный танец вокруг могилы Команданте в его честь. Но одно дело присутствовать на церемонии в статусе делегата, а другое — прийти сюда так, как ходят обычные венесуэльцы. И вот на следующий день я, выкроив время в плотной повестке форума, еду в сопровождении венесуэльских друзей в центр самого боевого и прочавистского района Каракаса — баррио «23 января». Чтобы добраться от станции метро «Саño Amarillo» до мавзолея, нужно совершить восхождение на холм. Поднимаемся по извилистой асфальтовой дороге. Над нами исполинским урбанистическим муравейником нависают однокомнатные «ранчос»: раскрашенные в рамках миссии по облагораживанию барриос в разные яркие цвета они выглядят будто кубики, впопыхах неаккуратно сложенные ребенком. Над дорогой нависают и другие — нераскрашенные и безликие — строения, будто скалы из серого бетона и красного кирпича, неровно обтесанные ветром истории. По пути неожиданно встречается... российская, скорее еще советская, «Нива»... сожженная... а внутри висит потрепанный венесуэльский флаг. Надо сказать, зрелище несколько сюрреалистичное. Впрочем, никакого русофобского контекста здесь нет: рядом с «Нивой» стоял такой же сожженный американский «Кадиллак» 80-х годов, как бы уравновешивающий этот апокалиптический натюрморт. Тут и там встречаются двухэтажные медицинские модули кубино-венесуэльской миссии «Внутри квартала»². И граффити, граффити, граффити...

Доходим до многоэтажного дома-знамени, раскрашенного в цвета венесуэльского флага. В центре флага вместо восьми звезд нарисованы глаза Чавеса, смотрящие прямо в сторону мавзолея, — все-таки венесуэльцы преисполнены чувством символичности и поэзии. Проходим мимо бейсбольного стадиона, украшенного многочисленными цитатами из речей Ко-

Дорога, ведущая к Мавзолею У.Чавеса

манданте. Наконец, доходим до указателя, на котором написано «4F», — именно так в Венесуэле обозначен «Cuartel de la Montaña» в честь 4 февраля 1992 г., когда под руководством Чавеса было совершено вооруженное восстание против политики неолиберализма, фактически положившее начало Боливарианской революции. Впереди виднеются контуры мавзолея — места, которое в Венесуэле называют «Рассветом надежды» (именно такие слова высечены на позолоченной доске возле входа в сам мавзолей). Указатель находится недалеко от центральной площади баррио «23 января». Здесь воздвигнут монумент, на котором высечено изречение Чавеса: «Ураганное пробуждение, сотрясающее страну с 4 февраля 1992 года, — продукт коллективного осознания, позволившего венесуэльцам убедиться в том, какой огромной суверенной силой они обладают». Недалеко стоит дом, на первом этаже которого нарисован контур Венесуэлы, закрашенный цветами флага; сверху, со второго этажа, «летит» десантник Чавес, на его парашюте написано «Chavez 4F». И повсюду — граффити местных коммун и коллективов: «Коммуна Симон Боливар», «Ла Пьедрита» и пр. Для меня было очень важно пройти пешком по маршруту, каким ходят обычные венесуэльцы, — по пути, которым Чавеса провожали к месту упокоения.

Весенний Каракас — это рубеж между сухим сезоном и сезоном дождей, который начинается где-то в апреле. В это время бывают странные кратковременные дожди: поморосит, поморосит, и вдруг выглянет солнце. Такой тип осадков каким-то странным образом накладывается на дату — пятилетие физического ухода Чавеса. Нет, народ не рыдает, здесь не увидишь истерик. Есть большая скорбь, боль утраты и одновременно — светлое чувство надежды на то, что идеалы Чавеса, его стремление к социальной справедливости не угаснут. Весенние дожди проливаются над Каракасом, словно скупые мужские слезы; потом город сглатывает комок в горле, вода уходит в землю, и снова солнечный свет наполняет столицу, снова боль утраты сменяется солнечным чувством надежды.

ГРАНИЦЫ КАРАКАСА: ВИЗУАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ

Исторически Каракас делится на западный и восточный. В первом проживают в основном бедные слои населения, сторонники Чавеса. Во втором — преимущественно «средний класс» и более зажиточные слои. Где-то посередине проходит водораздел в виде такой архитектурной вертикали, как местные небоскребы. Они начинаются в центральной части города и постепенно уходят в Восточный Каракас. Эти высотные, блестящие стеклянной роскошью, элитные многоэтажки, словно специально созданы, чтобы показать разительное социальное расслоение. Построенные в период нефтяного бума, теперь они служат офисами крупных иностранных и местных частных корпораций и фирм. Рядом с ними холмы с красными лачугами выглядят как социальная укоризна капитализму. Но барриос гордо держатся на высоких холмах, словно смотрят на небоскребы свысока и все равно оказываются выше их — как физически, так и морально. Удивительно, но по внешним признакам трудно отличить жителя Западного Каракаса от резидента Восточного. Особенных отличий в одежде и внешнем виде я найти не смог.

Помимо социального признака Каракас можно разделить и по эстетическому. Западный Каракас — это красные районы кирпичных барриос, восточный — респектабельные дома среднего (и высшего) класса, где преобладают белые и серые цвета. Но постепенно ростками новой жизни прорезается в общем пейзаже и новая «вертикаль» — новостройки миссии «Жилье». Многие из них возведены из того же красного кирпича, будто трансформировавшиеся жилища бедняков. С большинства стен таких многоэтажек смотрит лик Чавеса — пожалуй, самое распространенное официальное граффити, включающее огромную по размерам и видную издали личную подпись Команданте.

Граффити и надписи в этих двух частях мегаполиса разительно различаются эстетически. Западный, чавистский, Каракас пестрит разноцветными настенными рисунками, броскими надписями и призывами. В этих граффити кипит жизнь, бурлят эмоции. Константой города стали также предвыборные агитационные граффити. Прежние, нарисованные в предыдущие годы, продолжают по-прежнему призывать голосовать за Чавеса. Власти их не стирают как артефакты прошлой эпохи. Нередко можно заметить, как поверх старых надписей рисуют новые, агитирующие уже за предстоящие выборы. В преддверие президентской кампании 2018 г. улицы украшены большими буквами «М»*. Понятно, что это расшифровывается как «Мадуро». А, может быть, «май», месяц, когда было назначено голосование. А, может быть, ... но это уже совсем из области политической фантастики — «Маркс»? Ведь это год 200-летия со дня рождения немецкого философа. Кстати, незадолго до выборов в центре Каракаса был открыт бюст К. Марксу. Венесуэльцы помнят, так что такая вольная расшифровка буквы «М» отчасти имеет место быть.

* Выборы состоялись 20 мая в режиме полного внутривнутриполитического спокойствия. При беспрецедентно низкой явке (48%) победу одержал Николас Мадуро, набрав 68% голосов избирателей.

Площадь Боливара в центре города

Надписи же, сделанные в зажиточных районах, на мой взгляд, какие-то безликие и безжизненные. Максимум, что в них можно увидеть, — это текст черным на белой стене или на плитке тротуара. Это либо «философское» умозаключение типа «Думать иначе — это не преступление», либо оскорбление президента Мадуро, часто нецензурное. Например, на площади Альтамира, прилегающей к авениде Франсиско де Миранды, ставшей во время попытки государственного переворота 2002 г. местом концентрации оппозиции (говорят, в близлежащих высотках складировалось так и не примененное оружие), а в 2017 г. — плацдармом для уличных беспорядков-гуаримбас, можно увидеть надпись «Я предпочитаю умереть в мире, чем жить при социализме». На каменной скамейке, стоящей на той же площади, черным баллончиком написан один из старых лозунгов: «Свободу не просят, ее требуют». Некоторые скамейки исписаны неприличными ругательствами в адрес президента. Смотреть на них неудобно, а вот сидеть вполне — по трем причинам: во-первых, не видны ругательства; во-вторых, самим надписям сидящий как бы дает адекватный ответ; в-третьих, сами скамейки довольно удобные. Власти эти надписи не стирают. Еще небольшой штрих к вопросу о свободе слова и диктатуре в Венесуэле: по пути от баррио Петаре к центру столицы вдоль автомобильной магистрали я насчитал по меньшей мере три огромных, видных издали билборда «Свободу Леопольдо Лопесу», требовавших выпустить из-под ареста одного из лидеров оппозиции. Они соседствовали с аналогичными плакатами с портретами Мадуро в поддержку правительства. Сколько по-

Монумент «Герои» недалеко от Военной академии

добных оппозиционных билбордов по Каракасу — вопрос открытый, но факт — они есть, и власти их не запрещают.

Сейчас и авенида, и Альтамира спокойны и умиротворенны, будто и не было полгода назад насильственных акций протеста, надолго парализовавших эту часть города. Складывается впечатление, что у оппозиции нет творческой энергии, отсутствует собственная эстетика, нет своего лица и графического дискурса. А вот у чавистов есть. И пусть большинство их граффити в общем и целом однообразны, часто повторяют друг друга, но среди них немало и творческих. Иногда встречаются просто шедевры уличного визуального искусства. Например, на стене одного из старейших учебных заведений города, Лицея им. Андреса Бельо, имеющего свою революционную историю 60—70-х годов и расположенного недалеко от станции метро «Bellas Artes» («Изящные искусства»), развернута почти 20-метровая панорама граффити известного художника на исторические темы — от Войны за независимость до прихода к власти Чавеса. Этому полотну, настоящему произведению графического искусства, можно посвятить самостоятельное научное исследование и проследить историческую эволюцию андского государства: все события, каждый исторический персонаж и политические перипетии детально прорисованы. Без сомнения, современный Каракас является своего рода «мировой столицей» политического граффити. Если раньше этот статус был закреплен за Сантьяго времен «Народного единства» с его знаменитыми муралами и движением революционных муралистов, то после 1999 г. по мере продвижения Боливарианской революции он перекочевал в венесуэльскую столицу.

Выходим из метро «Capitolio» («Капитолий») в центральном Каракасе, где буквально в шаговой доступности расположены основные политические места столицы: площадь Боливара, здание Национальной ассамблеи, где сейчас проводит заседания Конституционная ассамблея, в пятнадцати минутах ходьбы — президентский дворец «Мирафлорес». Здесь же сконцентрированы исторические точки города: Дом-музей Симона Боливара, Пантеон и остальные государственные музеи, вход в которые, кстати, бесплатный. Справа от площади Боливара расположено здание Национальной библиотеки, аналога Российской государственной библиотеки, а в центре небольшого сквера перед ней стоит памятник Омару Хайяму.

Площадь Боливара, по традиции ставшая местом проведения регулярных прочавистских митингов, как всегда бурлит. Сейчас здесь развернута сцена под навесом, раскрашенным в цвета венесуэльского флага. Выступает какой-то оратор. Напротив расставлены пластмассовые стулья, народ внимает выступающему. Через несколько минут его сменит другой. Здесь также чувствуется градус политизации общества. По всему периметру площади нет свободных от граффити мест. Подхожу к одной — это изречение Че Гевары: «Помните, что высшая ступень, которой может достичь человек, — это быть революционером». За ним следует изображение Фиделя Кастро и соединенные воедино руки народов Латинской Америки, раскрашенные в цвета национальных флагов.

Такие граффити не делаются по шаблону, это — выплеск народного самосознания, форма выражения венесуэльского менталитета. А вот оппозиционные настенные рисунки творческой энергетике лишены начисто. И становится понятно, почему у оппозиции нет никакой позитивной программы действий, — одна только цель любым путем свергнуть нынешнюю власть, а там хоть потоп, при котором им уготовано теплое местечко в «ковчеге», только не Ноевом, а обамовском, трамповском или в чем-то еще... Ведь какую роль, кроме наместников северного сюзерена, они по большому счету могут играть? Чем, кроме торговли экономическим и политическим суверенитетом, они собираются заниматься? Мы еще вернемся к этому политическому вопросу — нерву венесуэльской жизни, который пронизывает буквально все общество.

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ МОНИТОРИНГА ПРЕСТУПНОСТИ

Пока перейдем к одной из самой животрепещущей теме — преступности. Венесуэлу и особенно Каракас демонизируют, будто это преступное исчадие ада. Есть ли здесь преступность? Конечно, есть. Высока ли она? Очень высока. Но зачем абсолютизировать и сводить чуть ли не главную особенность Каракаса только к этой черте? А ведь именно так поступают западные журналисты и те, которые им подпевают.

Мне вспомнилась серия статей журналиста Владимира Ворсобина из «Комсомольской правды», написанных им после посещения Венесуэлы. Это крайне тенденциозные материалы, где в духе прозападных СМИ внимание акцентируется только на негативе, причем в режиме тотальной абсолютизации всего отрицательного. Так вот, в первой статье автор, правда не сам, а как бы устами своих телохранителей, выдвигает такой тезис: в Каракасе можно продержаться не больше 45 минут — обязательно что-

нибудь случится, если только, как пишет Ворсобин, «...какой-нибудь добрый человек не укроет тебя в доме и не вызовет полицию»³. Я лично проверял это правило дважды — в первую и во вторую поездку. Первый раз вечером, когда уже стемнело, я прошелся от отеля «ALBA-Caracas» до дворца Мирафлорес и обратно. В общей сложности прогулка заняла около двух часов. Это потом уже я узнал, что Центральный район считается одним из самых опасных в городе. Я-то думал, что рядом с президентским дворцом все должно охраняться. Но я заходил в темные переулки, бродил меж домов. Бросилось в глаза и запомнилось, что улицы были практически пустые. На следующий день выяснилось, что вечер прошедшего дня был кануном начала школьной поры, дело было в середине сентября. Видимо, моя прогулка прошла спокойно, потому что все преступники, грабители и убийцы суетились в тот вечер вокруг семейного очага и собирали портфели детям в школу.

Вы скажете: в первый раз повезло. Хорошо, но ведь и во второй раз повезло, а это уже, как говорится, тенденция, которую не спишешь на простое везение. Во время второго приезда в Каракас я прошелся по центральной туристической улице — бульвару Сабана-Гранде от метро «Chacaito» до знаменитой Площади Венесуэлы — вдоль и поперек. Казалось бы, здесь-то ко мне должны были пристать. Тут и правда полно сомнительных личностей, то и дело кричат «Золото! Серебро! Доллары!», торговцы или мелкие жулики — не разберешь. Я, конечно, изрядно законспирировался и старался не выделяться. Надел джинсы, обычную футболку и кроссовки, шел уверенно, не привлекал к себе внимания, в общем старался соответствовать образу среднестатистического венесуэльца: юноша или девушка, или человек средних лет (надо сказать, что венесуэльское общество довольно молодое), одетые просто и неброско, как полагается в тропическом климате, без особо модных и вызывающих «прикидов», но опрятно и прилично. После прогулок по обеим частям города в сознании сложился именно такой образ венесуэльского прохожего. Кстати, по внешнему виду распознать жителя восточного и западного Каракаса практически невозможно.

Несмотря на то, что мне советовали не фотографировать на Сабана-Гранде, я все же сделал несколько снимков. В одном из ответвлений бульвара стоят большие, в человеческий рост, буквы PDVSA (Государственной нефтяной компании «Petróleos de Venezuela, S.A.»). Проходя мимо, я заметил, что их бережно моют и чистят молодые ребята, скорее всего, работники корпорации. После их усилий красные буквы стали еще ярче. Видимо, это одна из попыток политизации вполне коммерческой улицы. Раньше здесь располагались палатки, где торговали различной туристической атрибутикой, но потом власти прикрыли такой вид торговли. На Сабана-Гранде есть несколько очень живописных медных скульптур в человеческий рост: то молодой человек сидит на скамейке и смотрит в ноутбук, то посреди улицы кучка ребят играет в какую-то детскую игру; то старик, опершись на стойку, смотрит вдаль... и видит буквы PDVSA (эта фигура расположена как раз напротив инсталляции нефтяной корпорации). В городских сумерках эти скульптуры легко спутать с обычными живыми людьми; создается какое-то сюрреалистиче-

ское ощущение, будто находишься в пограничном состоянии между миром искусства и реальной жизнью.

Возвращаясь к себе как потенциальному объекту нападения, продолжу, и скажу, что в метро не раз чувствовал на себе пристальные взгляды. Наверное, меня выдавали европейский вид, очки и вообще вид кандидата наук. В метро очень редко можно встретить «белых», это скорее, исключение, чем правило. Но взгляды были лишь пристальные, не более. Никакой агрессии или попыток пристать ко мне я не испытал. А ведь три раза в одиночку спускался в метро, не раз спрашивал дорогу и даже фотографировал внутри станций, хотя друзья советовали этого не делать. В общей сложности в одиночных прогулках во время второго приезда я провел более четырех часов. Утром перед выездом в аэропорт два часа ходил по парку Миранды. Это — живописнейшее место, в миниатюре повторяющее географию мегаполиса: холмы сменяют просторные поля зоопарка под открытым небом, где среди колоннообразных пальм чагуарамо под тропическим солнцем греются игуаны, тюлени, черепахи, а в пруду пришвартован бриг «Леандер», на котором Франсиско де Миранда отправился в экспедицию в Венесуэлу в 1806 г. Уж там-то могли бы выследить, я же фотографировал все подряд. Но нет, не следили и даже, подумать только, не обокрали. Я прошел по центральной авениде Франсиско Миранды два перегона метро — от Парка Миранды до Чакао. Еще восемь месяцев назад здесь перекрывали дороги, совершались акты насилия, была стрельба, шли в ход «коктейли Молотова». Это вообще самый оппозиционный и протестный район. Я подошел к муниципалитету района Чакао, которым всегда управляли яростные противники «кровавого режима», и сфотографировал его на виду у десятков венесуэльцев. Ну, хоть один бы мог оказаться преступником и проследить за мной. Но меня всерьез подвел только сам муниципалитет. Его фасад украшали большие часы. В полной уверенности, что на государственном здании часы должны показывать правильное время, я обнаружил, что катастрофически опаздываю на самолет. Часы показывали 13.30 (как сейчас помню), а в отеле мы договорились встретиться в 12.00. В панике ринулся к метро. Показалось, что совсем потерял счет времени, и даже мобильник, по которому ориентировался, меня обманывал. И только возле входа в метро, минуты через две, сообразил спросить время у прохожего, и тот сказал, что сейчас 11.30. Я спокойно сел в метро и добрался до отеля. Так что смею вас заверить: гулять по Каракасу в дневное время не опаснее, чем по Москве. Конечно, в темное время суток дело обстоит хуже, и первый опыт, после данных друзьям обещаний, я не повторял. Но ведь и по иным районам почти каждого мегаполиса мира иностранцу не порекомендуют гулять вечером...

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ И КУЛЬТУРА НА ДОРОГАХ

Теперь несколько слов о метро Каракаса. С эстетической точки зрения оно не производит особого впечатления. Самая обычная подземка. Но что бросается в глаза и в чем состоит отличие от московского метро — это полное отсутствие гаджетов. У нас обычно люди читают, играют в компьютерные игры, переписываются и т.д. Здесь вы не увидите ни одного гаджета. Почему? Правильно, преступность. Люди боятся демонстрировать

телефоны и планшеты. Я поделился этим наблюдением с другом-венесуэльцем, и он очень удивился, когда услышал, что в метро я обычно смотрю фильмы на планшете. Поэтому было бы глупо отрицать проблему преступности в Каракасе, но так же глупо и абсолютизировать ее и преподносить в качестве следствия боливарианской революции.

Кстати, о следствиях. Государственный общественный транспорт (метро) в Каракасе практически бесплатный. Он стоит всего 12 боливаров при средней зарплате, приближающейся к двум миллионам боливаров!!! Как правило, турникеты просто отключены. Знатки утверждают, что их не включают, потому что они просто не работают, а ремонт дорогой. В общей сложности я раз восемь спускался в подземку, и всякий раз не было необходимости платить. Из-за экономии энергии практически повсеместно не работают эскалаторы. Возможно, их включают в часы пик, но в остальное время они не функционируют. Тем не менее иногда турникеты включают, и платить приходится. Столкнулся с подобной ситуацией и я, но успешно ее преодолел. Очень спешил на встречу, заплатить государству за проезд было не жалко, но с разочарованием обнаружил, что оставил всю наличность в отеле. Подошел к контролеру и сказал, что я русский, который забыл деньги в отеле, что было абсолютной правдой. Посмотрев на меня несколько секунд, женщина нехотя произнесла: «Проходи».

Бесплатный проезд и в городских государственных автобусах. Они курсируют по специально выделенным бетонными отбойниками полосам, чем застрахованы от пробок. Но таких линий очень мало. В основном наземный транспорт — частный. И это просто беда!!! Полно полуразвалившихся микроавтобусов, что называется, дышащих на ладан. Если во время поездки не случится аварии или хотя бы поломки, можете считать, что вам крупно повезло. Такие «транспортные средства» курсируют с открытыми дверями, что создает дополнительные риски для пассажиров. Прокатиться в такой развалюхе стоит 2000 боливаров!

Отдельно надо сказать о культуре вождения местных водителей, точнее, опять-таки, о ее отсутствии. Главный на дороге — это мчащийся автомобиль или мотоцикл. Пешеход опасно стоит в сторонке и ждет счастливого мига, когда наконец-то появится просвет в трафике. То, что он стоит на пешеходном переходе, абсолютно не важно. Как только наступил долгожданный момент, можно бежать. Главное — во время пробежки озираться по сторонам, иначе из-за угла выскочит мотоциклист и потом будет вас отчаянно ругать, если вдруг задавит. Увы, но приходится констатировать, что культура уважения пешехода для венесуэльских водителей — это еще «terra incognita».

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СЕГМЕНТ КАРАКАСА

Но что я все о грустном. Пора поговорить и о светлом. Хочу рассказать о Центральном университете Венесуэлы, куда мой друг любезно согласился устроить экскурсию. И о пути из университета в легендарное место — Площадь «Los Próceres» («Герои» или «Борцы за свободу»), где воздвигнут потрясающий монумент историческим героям Венесуэлы. Вначале скажу о пути, потому что он произвел на меня особое впечатление, связав два легендарных культурных центра Каракаса. Немного отойдя от Центрального

университета, вы вступаете на «Paseo de Ilustres». И не просто вступаете, а, скорее, вплываете. Аллея и впрямь выглядит, как речной поток, уходящий в даль города, окруженный тенью деревьев. Дело в том, что аллея вымощена мелкой голубой плиточкой. Поэтому издали она выглядит, как река, а вблизи — уютной дачной прогулочной дорожкой. То ли это река, то ли зеркало, в котором отражается венесуэльское голубое небо. Прогуляться по этой аллее — необычайное удовольствие. Она выведет вас через живописную площадь «Plaza los Símbolos» прямо к историческому монументу «Los Próceres».

Но все же начальный пункт — это университет, построенный по проекту знаменитого венесуэльского архитектора Карлоса Рауля Вильянуэвы. На его территории находятся подаренные вузу произведения искусства больших художников и скульпторов со всей Латинской Америки. Фактически — это музей под открытым небом, недаром в 2000 г. по инициативе ЮНЕСКО университет был включен в Список культурного наследия человечества. Это — главное государственное учебное заведение Венесуэлы, образование в нем бесплатно. В 60-е, 70-е и 80-е годы именно этот университет задавал тон в политическом протесте слева, его преподаватели и студенты были, в основном, представителями левых партий, многие из них погибли. Парадоксально, что во времена «четвертой республики» ректорами университета были люди левых убеждений, а после того, как к власти пришел Чавес, ректоры — не просто правые, а крайне правые.

Это автономное учебное заведение, здесь собственный устав и свои законы, сюда запрещен вход Национальной гвардии и полиции. Это целый студенческий городок, занимающий солидный сектор Каракаса. Это оплот оппозиции. Большинство студентов настроено против правительства Мадуро. Уже около входа на территорию университета, ожидая друга, я стал свидетелем необычного зрелища. Дело в том, что через территорию университета проходит автомобильная дорога, соединяющая разные части города. Мало того, что работники учебного заведения открыли для движения только одну из двух полос, так еще периодически полностью закрывали въезд шлагбаумом. В результате с той и с другой стороны образовалась огромная пробка. Вначале казалось, что продвижение автомобилей как-то регулируется, проезд то открывался, то закрывался. Но под конец шлагбаум просто опустили, водителям пришлось разворачиваться и ехать обратно, при этом никаких признаков недовольства сигналами они не выражали, видимо, это вполне привычное действие. Я не понимал, в чем дело. Подошедший вскоре товарищ, который в дальнейшем сопровождал меня, объяснил, что таким образом охранники университета протестуют против университетских властей и добиваются повышения зарплаты, пользуясь его автономным статусом.

Отправляемся вглубь университетского городка. Если начинать прогулку со стороны главного входа, направляясь от Площади Венесуэлы, то первые здания, которые можно увидеть, — это два больших гуманитарных корпуса, где учатся на социальных работников. Еще с 60-х и 70-х годов, когда в университете преобладали левые настроения, эти корпуса носят отпечаток «советскости». В студенческой среде их называют «Ленинград» и «Сталинград». Но это лишь отголоски прошедших времен, сейчас здесь преобладают оппозиционные и про-

тестные настроения. Возле входа в ректорат собралась небольшая группа людей. Мой спутник объясняет, что это преподаватели выражают свое несогласие с низкими и нерегулярными зарплатами. Никаких плакатов и растяжек, просто мирное стояние.

Архитектура университетских построек впечатляет — просторные открытые здания. Многочисленные корпуса соединены между собой комфортабельными переходами под бетонными навесами, словно висящими в воздухе. Это сделано,

чтобы была возможность переходить из одного корпуса в другой, не попадая под частые в здешнем климате ливни, а также это еще и защита от палящего солнца. Под навесами расположены ларьки с канцелярскими товарами, учебниками и книгами. Проходя мимо одного из таких ларьков, мой спутник сообщает, что в университете была своя типография, но с 2000 г. она не работает. Ее решили закрыть, чтобы сэкономить средства. Меня это очень удивляет — ведь таким образом учебное заведение лишилось возможности издавать научную литературу, можно сказать, лишило себя собственного лица. Тем не менее некоторые факультеты все-таки выпускают собственные журналы, пользуясь услугами частных типографий. Спрашиваю, какие политические взгляды доминируют среди преподавательского состава. Сторонников левых взглядов осталось очень мало, в основном они уходят отсюда. Преобладают очень правые местные педагоги, есть и небольшая группа преподавателей из Испании с открыто правоопозиционной позицией.

Часть преподавательского состава «мигрировала» в находящийся неподалеку Боливарианский университет, основанный Чавесом в 2003 г. После экскурсии по центральному университету мы зайдем и туда, и меня поразит резкий контраст между архитектурным и территориальным размахом центрального университета и этим прочавистским учебным заведением, занимающим всего один корпус, пусть и многоэтажный. Раньше в нем располагалось главное управление нефтяной компании PDVSA, потом по решению Чавеса здание было передано в ведение Боливарианского университета.

Но пока продолжаем исследовать аудитории и внешний вид корпусов Центрального университета. На удивление, здесь нет никаких графических проявлений политических настроений, доминирующих в студенческой среде. Говорят, что раньше все стены корпусов были

Плитка, выбитая в форме контура Венесуэлы возле одного из факультетов Центрального университета

расписаны антиправительственными лозунгами и призывами, но потом руководство, решив снизить градус напряженности, запретило рисовать граффити на зданиях. Тем не менее внутри учебных корпусов графические артефакты былой политической бури встречаются неоднократно. Например, постоянно можно увидеть расклеенные листовки, напрямую сопоставляющие «Caracazo» 1989 г. — массовый бунт против неолиберальных реформ — и оппозиционные «guarimbas» (насильственные акции уличных протестов) 2014 и 2017 гг. Фотографии тех и других событий расположены рядом, что воспринимается как намек на их политическое сходство. Спрашиваю товарища: неужели и вправду оппозиционные студенты думают, что эти события одного порядка? Он кивает в знак согласия. Говорю: ведь это та же теоретическая и политическая ошибка, что сделали некоторые российские левые, приняв государственный переворот и «майдан» на Украине за революцию. Мой спутник соглашается, и мы продолжаем прогулку.

По знакомству нам дают доступ в «сердце» университета — Торжественную аудиторию. Ее архитектура поистине впечатляет: благодаря плавным линиями потолков и стен и отсутствию углов создается ощущение легкости и воздушности. Кажется, будто находишься внутри парящего облака. В звенящей тишине до меня доносится эхо речи Фиделя Кастро⁴, выступавшего здесь в далеком 1999 г. Чавесу тут не суждено было выступить — доступ ему сюда был закрыт вскоре после созыва Конституционной ассамблеи в том же 1999 г. Теперь тут собирается оппозиционное гражданское общество и создает новые коалиции. Буквально вчера здесь кипели страсти вокруг создания нового «Широкого фронта»⁵.

Впрочем, надо признать, что и студентам университета присуще чувство патриотизма. Некоторые, пусть и случайные, его проявления я обнаружил на тротуарной плитке при подходе к одному из корпусов. Дело в том, что пешеходы за долгое время выбили ногами часть плиток, и пустое пространство с удивительной точностью повторяло контуры одного из государств. Какого? Нет, не США — конечно, Венесуэлы.

КРИЗИС КАК ВОЗМОЖНОСТЬ

Хотелось бы поделиться двумя наблюдениями социально-экономического порядка, в которых, как в капле воды, отразился весь кризис, переживаемый Боливарианской Венесуэлой. Хочу подчеркнуть, что не вкладываю в слово «кризис» подтекста фатальности и безысходности, а именно эти коннотации доминируют при анализе кризисности «левого поворота»⁶. Для меня это, в первую очередь, испытание на прочность — фаза, которую проходит каждый общественный процесс. Более того, именно на этапе кризиса зарождается некое новое качество и открываются ранее не заметные перспективы.

Итак, наблюдение первое. После посещения «Мемориала Героев» и прогулки вокруг живописного озера на территории военного комплекса «Тиуна», куда разрешен доступ гражданским, нам очень захотелось пить. Решили зайти в находящийся неподалеку торговый комплекс. В нем расположены ряд торговых точек, включая несколько частных супермаркетов

(государственных аналогов в Венесуэле нет). Один из них встретил радостной, но двусмысленной надписью «Добро пожаловать...!». Именно так — с многоточием перед восклицательным знаком. В целом оформление зала очень похоже на российскую «Пятерочку», и если бы не надписи на испанском, можно было бы перепутать. В магазине довольно богатый ассортимент, вполне схожий с нашей торговой сетью. Но вот цены, конечно, космические. Берем полторалитровую бутылку воды за 69 тыс. боливаров. Это цена двух продуктовых наборов, распределяемых государством, которых хватает, чтобы прожить семье из трех человек в течение полумесяца. Я спрашиваю — почему такая цена? Мой спутник объясняет, что в основном это цена импортируемого пластика для тары, сама вода ничего не стоит. Взяв воду, минут сорок простояли в очереди. Дело в том, что платят в основном безналично. Из-за отсутствия наличных денег количество транзакций возросло в сотни раз, поэтому терминалы с трудом справляются с нагрузкой.

Второе наблюдение — это постоянные очереди в банкоматы, являющиеся неотъемлемым атрибутом жизни Каракаса. Примерно полгода назад было введено ограничение на снятие наличности в банках — как государственных, так и частных. В день можно снять не больше 10 тыс. боливаров. В условиях даже не галопирующей, а реактивной инфляции — сумма очень маленькая. Наблюдая за этими очередями, вспоминаю Афины лета 2015 г. Тогда, в преддверии референдума по поводу согласия с принятием условий меморандумов Евросоюза, финансовая «тройка», контролирующая всю банковскую систему Греции, ввела аналогичные ограничения. Преследовались явно электоральные цели — деморализовать избирателя, посеять панику и неуверенность в завтрашнем дне. Спрашиваю себя: виновато ли в подобной ситуации правительство Венесуэлы, столкнувшееся с падением цен на нефть и находящееся под давлением экономических санкций? Эти два условия обусловили финансовую асфиксию экономики Венесуэлы, катастрофически не хватает свободной денежной наличности. Так вот, в какой степени оно виновато в, частности, в инфляции и росте цен, а также в очередях к банкоматам? Полагаю, что виновато, но не в том смысле, как это принято педалировать в СМИ, не в плане *создания* проблем, а в том плане, что недостаточно жестко и принципиально реагирует на них и *противостоит* им. Жанр данной статьи не предполагает углубления в экономические механизмы гиперинфляции и дефицита наличности. Можно лишь задать простой вопрос: кому это выгодно? Выгодны ли действующей власти гиперинфляция и тот факт, что граждане лишены наличных денег? Ответ очевиден. Такое положение выгодно силам, заинтересованным в смене политического курса. По большому счету экономические трудности и проблемы имеют четкую электоральную заточенность, как и в случае с греками, — деморализовать избирателя, посеять панику и растерянность.

В настоящее время власть находится в положении догоняющего. Цены растут, а правительство постоянно повышает заработную плату. Рост зарплат не успевает за динамикой цен. Но ведь цены устанавливаются частными игроками, бизнесом, торговыми центрами — все в духе «свободной «рыночной экономики». Значит, необходима жесткая и последовательная интервенция государства в область регулирования

ценообразования. А это невозможно в ситуации, когда в экономике доминирует частный сектор. По оценкам 93,2% предприятий и экономических субъектов в венесуэльской экономике являются частными и только 6,8% контролируются государством⁷. Учитывая такое соотношение, трудно согласиться с довольно распространенным в российской латиноамериканистике мнением, будто «... модель развития (Венесуэлы. — *А.П.*), основанная на жестком контроле государства над экономикой, и свертывание рыночных отношений, изжила себя»⁸. Пожалуй, наоборот: контроль государства де-факто оказывается ограниченным и чересчур мягким для экстремальной ситуации, а рыночные отношения, судя по произвольному росту цен, чувствуют себя более чем комфортно.

Представляется, что назначение многих экономических проблем Венесуэлы такая же, как недавно в Греции, — сугубо электоральное. В преддверии президентских выборов особенно напрашивается именно такая постановка вопроса. В этом плане рост цен на продовольствие вкупе с дефицитом наличности оказываются явлениями того же порядка, что и прошлогодние акции насилия.

Мне, конечно, можно возразить: инфляция растет уже на протяжении нескольких лет, при чем же тут президентская кампания? Но ведь предстоящие выборы президента — это 24-я электоральная кампания за всю историю Боливарианской революции и шестая — за период правления Н.Мадуро. Демократические выборы — это константа политического процесса Венесуэлы, и каждый раз велико искушение подорвать поддержку чавизма. И ведь такая стратегия достигает цели. Я несколько раз слышал от знакомых венесуэльцев, что, если раньше они голосовали за Н.Мадуро и его сторонников, то теперь, перед предстоящими выборами, сильно сомневаются. Не повторится ли ситуация декабря 2015 г., когда оппозиция получила большинство в Национальной ассамблее и стала использовать ее как площадку для борьбы с властью? Сейчас, когда речь идет об избрании главы исполнительной власти, риски намного выше, и в этом — главная тревога за дальнейшую судьбу мирного политического процесса в Венесуэле. Мне вспоминаются слова президента на первой встрече солидарности в сентябре 2017 г., возле дворца Мирафлорес. Тогда ключевым тезисом его речи стала фраза: «Да начнется чистка» (*Empieza limpieza*). У меня сложилось стойкое впечатление, что эти слова стали едва ли не центральными во всем пятидневном Форуме солидарности, а сам форум был созван для того, чтобы продемонстрировать международную поддержку предстоящим радикальным шагам. И уже через месяц стартовала кампания против коррупции в руководстве PDVSA, уже ведутся громкие расследования, призванные очистить властную машину от бюрократических препон, а экономику избавить от потерь, вызванных преступным обогащением. Только на этом пути можно будет обеспечить мощную интервенцию государства в национальную экономику. Возможно, в случае переизбрания Н.Мадуро на пост президента откроются пути для проведения более последовательного государственнического курса.

Если нивелировать возможные отклонения и ситуационные погрешности, то в чистом виде можно обозначить два альтернативных сценария будущего Венесуэлы: либо власть решится на «революцию в революции»,

либо стране будет грозить превращение в латиноамериканский аналог Ливии или Ирака. О наличии предпосылок первого сценария, говорит, в частности, созыв Конституционной ассамблеи — пожалуй, самый радикальный и принципиальный шаг в текущей истории Боливарианской революции. О том же свидетельствуют успех правящего блока на местных выборах и последующее наступление на коррупцию, призванное перехватить это оружие у внутренних и внешних противников. Но пока это — необходимые, но недостаточные меры в сфере политики и права. В целом по-прежнему сохраняются расхождения и противоречия между официальной революционной риторикой и реальной политико-экономической практикой, отмеченные еще французскими социалистами⁹. Рискнет ли правительство пойти на аналогичные по радикальности с созывом Конституционной Ассамблеи шаги в сфере экономики в условиях ползучего «правого поворота» в регионе¹⁰ — вопрос открытый. Но будучи сделанным, он сможет стать фактором обращения этой временной тенденции вспять.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Подробнее об этом см.: А.Б.Рахманов. Капиталистический класс в странах Латинской Америки — Латинская Америка, 2017, № 10, с. 16-34. [Rahmanov A.B. Kapitalisticheskij klass v stranah Latinskoj Ameriki] [Capitalist class of the countries of Latin America]. Latinskaya Amerika, 2017, № 10, p. 16-34.

² А.В.Борейко. Куба и Венесуэла: взаимовыгодное сотрудничество в социально-экономической сфере — Латинская Америка, 2016, № 6, с. 61-71. [Borejko A. V. Kuba i Venesujela: vzaimovygodnoe sotrudnichestvo v social'no-jekonomicheskoy sfere] [Cuba and Venezuela mutually beneficial cooperation in the socio-economic sphere]. Latinskaya Amerika, 2016, № 6, p. 61-71.

³ С.В.Ворсоби́н, С.Н.Новиков. «Социалистический рай» Чавеса на грани Майдана и ждет помощи от России. Газета «Комсомольская правда», 04.09. 2017. [Vorsobin S., Novikov S. «Socialisticheskij raj» Chavesa na grani Majdana i zhdet pomoshhi ot Rossii] [“Socialist paradise” of Chavez on the verge of the Maidan and waits for the help from Russia.]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26728.4/3754390/> (assessed 22.03.2018).

⁴ А. В. Харламенко. История его оправдала — Латинская Америка, 2017, № 12, с.55-70. [Harlamenko A. V. Istoriya ego opravdala] [The History Has Absolved Him]. Latinskaya Amerika, 2017, № 12, p. 55-70.

⁵ Proclama por la democracia de la sociedad civil desde el Aula Magna de la UCV. El Nacional, Caracas, 07.03.2018, p.1-2.

⁶ Т.А.Воротникова, М.-А.М.Кодзоев, Д.В.Разумовский, Д.М.Розенталь. Кризис левых режимов в Латинской Америке: внутренние императивы и внешняя проекция. — Politbook, 2017, N 4, с. 179—194 [T.vorotnikova, M.Kodzoev, D.Razumovsky, D.Rozental. Krizis levyykh rezhimov v Latinskoj Amerike: vnutrennie imperativy y vneshnaya proektsiya] [Crisis of left regimes in Latin America: internal imperatives and external projection]. PolitikBook, 2017, N 4, p. 179—194; Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов М.: ИЛА РАН, 2017, 208 с. [Latinskaja Amerika na perelome global'nyh i regional'nyh trendov] [Latin America on a change of global and regional trends] М, ИЛА РАН, 2017, 208 p.

⁷ Quiénes controlan la economía? Periodico «PolítiK». Marzo'abril 2017, Año 5, Edición N 21. p. 12.

⁸ В.Л.Семенов. Финал «Боливарианского проекта»? — Латинская Америка, 2017, № 1, с. 49-50. [Semenov V.L. Final «Bolivarianskogo proekta»?] [Final of the «Bolivarian project»?]. Latinskaya Amerika, 2017, № 1, p. 49-50.

⁹ Р. В. К о с т ю к. Французские левые о латиноамериканском эксперименте «социализм XXI века» — Латинская Америка, 2013, № 2, с. 33-42. [R.V.Kostjuk Francuzskie levye o latinoamerikanskom jeksperimente «socializm XXI veka»] [The french lefts about latinamerican experiment of the “XXI century socialism”]. Latinskaya Amerika, 2013, №2, p. 33-42.

¹⁰ J e I f e t s V.L., J e I f e t s L.S. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del «fénix de la derecha» en América Latina — Iberoamerica, 2016, №3 (82), p. 34-60.; А.С.Ш и ш к о в. Правый поворот? К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке — Проблемы национальной стратегии, 2017, №4 (43). С. 48-61. [Shishkov A. S. Pravyj povorot? K voprosu o smene politicheskogo cikla v Latinskoj Amerike] [Right Turn? Revisiting the Political Cycle Alternation in Latin America]. Problemy nacional'noj strategii, 2017, №4 (43). p. 48-61.

Andrei N.Piatakov (anpyatakov@yandex.ru)

Cand. Sci (Politology), Leading Researcher of Center of Political Studies, Institute of Latin America of RAS

The Spring Caracas. An eyewitness' view of Venezuela troubles and hopes

Abstract. The article is devoted to the social and urban features of the Venezuelan capital. Traveling around the city, the author draws a social, economic and political portrait of Caracas, offers the description of sign places and the cultural and esthetic phenomena of the central megalopolis of Venezuela. Also the author shares his observations of venezuelans' everyday life. Social contrasts, and the political moods' manifestations in street graffiti are analyzed. At the end of article, there are offered a generalized view of the current situation in Venezuela, and its further development scenarios.

Key words: Venezuela, Caracas, barrios, graffiti, architecture, political moods, social problems.